

К.Гаджиев

**ОТНОШЕНИЯ ИРАНА И ТУРЦИИ
С ГОСУДАРСТВАМИ ЮЖНОГО КАВКАЗА**

DOI: 10.20542/2073-4786-2020-2-94-106

Государства Южного Кавказа и Ближнего Востока имеют схожие проблемы, связанные с нерешенными этнонациональными и территориальными противоречиями, уходящими корнями в прошлое, и на протяжении многих десятилетий время от времени осложняющими внутривнутриполитическую ситуацию в регионе. В этом плане можно утверждать, что Южный Кавказ и Ближний Восток составляют единое геополитическое пространство, характеризующееся комплексом факторов, учитывать которые необходимо для обеспечения безопасности в этом сложном многонациональном, многоконфессиональном регионе.

Во времена СССР противоречия, характерные для Южного Кавказа в течение многих веков, были в значительной степени нейтрализованы и как бы загнаны вглубь, но, как показывают события и процессы после распада Советского Союза, их первопричины отнюдь не были ликвидированы. В этом плане особо важное значение имеет тот факт, что регион открылся как для государств Ближнего Востока, так и для мировых держав, которые начали активно продвигать там свои интересы. Об обоснованности данного тезиса наглядное представление можно составить на примере внешнеполитической стратегии двух самых крупных государств Южного Кавказа – Турции и Ирана, которые, занимая влиятельные позиции в регионе, выступают в качестве главных конкурентов как в отношениях с Россией, так и между собой.

Для этих двух государств Южный Кавказ имеет особую значимость в плане торгово-экономических интересов и приоритетов национальной безопасности. Как утверждал, будучи секретарем Высшего совета национальной безопасности Ирана нынешний президент ИРИ Х.Рухани, Кавказ в целом и Азербайджан в особенности составляют регион, имеющий большое значение с точки зрения национальной безопасности Ирана. В этой связи важно учитывать, что вплоть до начала XIX в. отдельные народы и регионы Кавказа входили в состав Османской империи и Ирана, поэтому после распада СССР Иран и Турция первыми признали три новых Южно-Кавказских государства – Азербайджан, Армению и Грузию и установили с ними дипломатические отношения.

Разумеется, между Турцией и Ираном существуют весьма серьезные противоречия, которые проявляются и во внешнеполитической стратегии каждого из этих двух государств на Южном Кавказе. Естественно, преобладающую роль в этой стратегии играет стремление Тегерана и Анкары расширить и укрепить свои геополитические позиции в регионе. При этом как Иран, так и Турция имеют свои преимущества и свои слабости.

Иран является вторым после России поставщиком углеводородного сырья в Турцию. К тому же Тегеран заинтересован в экспорте газа в Европу через турецкую территорию. В последние годы между двумя государствами, в силу комплекса геополитических факторов, возникли точки совпадения интересов и вместе с Россией они составили своего рода геополитический треугольник, для противодействия усилиям внерегиональных акторов – прежде всего Запада во главе с США – по расширению и укреплению своих позиций в регионе.

При этом Иран и Турция по-разному осуществляют свою политику в отношении трех Южно-Кавказских государств. Не совсем корректными оказались прогнозы тех аналитиков, которые были убеждены, что Исламская Республика Иран может попытаться подтолкнуть постсоветские государства с преобладающим мусульманским населением к радикальному исламу. При этом следует подчеркнуть, что государственной идеологией ИРИ является «хомейнизм», который официально не признает наличие национального вопроса в «единой исламской общине – умме».

В действительности же, внешняя политика ИРИ прежде всего ориентирована на продвижение национальных интересов и обеспечение национальной безопасности, хотя внешне она может казаться религиозно ангажированной. Поэтому в современных условиях во внешнеполитической стратегии Тегерана прагматизм явно преобладает над религиозными мотивами. Следует признать, что в этой стратегии на протяжении всего периода после Исламской революции 1979 года сохраняется не всегда внешне проявляющееся противоречие между хомейнистским исламским революционализмом и требованиями реальной политики в отношении остального мира, в особенности – ближайших соседей.

Обоснованность данного тезиса подтверждается на примере политики Тегерана в отношении государств Южного Кавказа. Она характеризуется большей взвешенностью, стремлением строить отношения с каждым из трех государств, абстрагируясь от их связей с внешними акторами, в частности, с Россией, США и Турцией. Прагматизм Тегерана проявляется в том, что его политика по отношению к ним строится независимо от характера связей каждого из этих трех государств с внешними центрами силы.

Можно утверждать, что руководство Исламской Республики Иран заинтересовано в социальной и политической стабильности в новых независимых государствах Южного Кавказа. Дело в том, что Иран является многонациональной страной, которая в культурном, языковом, гуманитарном плане связана с народами Кавказа в целом и Южного Кавказа в особенности. Показательно, что персы, т.е. государствообразующий народ, составляют лишь половину населения страны. Согласно разным данным, этнические азербайджанцы составляют от 20 до 30% общей численности населения республики, курдов здесь проживает от 3,5 до 8 млн, армян – от 70 до 200 тыс. человек. Частью населения являются гилянцы, туркмены, луры, белуджи, арабы и др. Поэтому не случайным представляется тот факт, что в 1935 г. основатель новой правящей династии Реза-шах Пехлеви потребовал от всех иностранных государств, учитывая многонациональный состав населения страны, вместо греческого названия «Персия» использовать древнее название «Иран».

Особый интерес представляет политика Ирана, равно как и Турции, в отношении самого богатого энергетическими ресурсами Азербайджана. Естественно, на политику Тегерана в отношениях с Баку немаловажное влияние оказывает фактор его стратегических связей с Турцией. На них, при всех возможных здесь оговорках, не может не отражаться ситуация суннитско-шиитского противостояния, оказывающего весьма серьезное влияние на геополитическое положение окружающего арабского мира.

Шиитский Иран и суннитская Турция не могут полностью игнорировать эту реальность. При этом явное противоречие состоит в том, что азербайджанцы в подавляющем своем большинстве, как и персы, исповедуют шиитскую версию ислама, в то время как турки – суннизм. В то же время, Азербайджан близок Турции по языку, происхождению, этнокультурным и историческим корням, возможно, по некоторым составляющим национального менталитета.

Влиятельным кругам политического истеблишмента Азербайджана, в том числе в системе государственной власти, отнюдь не чужды идеи пантюркизма. О значимости этого фактора можно составить наглядное представление на примере положения, сложившегося в июне 1992 г. при приходе к власти в Азербайджане политических сил во главе с А.Эльчибеем. Придерживаясь пантюркистских позиций, они взяли курс на радикальное сближение с Турцией и стали проводить политику, которую Тегеран считал угрозой территориальной целостности страны.

У руководства Ирана вызывает опасения большое, по его мнению, влияние западных стран, прежде всего США, на власти Азербайджана. Негативно оцениваются им также тесные связи северного соседа с Израилем. Оценивая те или иные внешнеполитические действия руководства ИРИ,

многие азербайджанские аналитики, отдавая предпочтение связям с Западом, склонны критиковать так называемую «муллократию» Тегерана. Как утверждал один автор, «мириться с существованием на Среднем Востоке иранского агрессивного муллократического режима Вашингтон более не намерен, силовая акция представляется многим небесспорной, и вполне логично, что демонтаж иранской муллократии изнутри, пусть и на фоне морально-политической поддержки иранской оппозиции, многим кажется наиболее предпочтительным вариантом» [цит. по: 1, с. 386].

Тегеран внимательно следит за этими и подобными им тенденциями и процессами в Азербайджанской Республике, особенно в контексте активизации пантюркистских идей и настроений, стимулируемых в Азербайджане руководством, определенной частью политической и интеллектуальной элиты Турции. Поэтому в Тегеране возникли опасения относительно того, что Азербайджан может выступить с претензиями на Южный Азербайджан. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что некоторые азербайджанские государственные и политические деятели время от времени действительно выступают с подобными требованиями.

В то же время в ИРИ есть силы, представители которых рассматривают возможность воссоединения Северного и Южного Азербайджана как возвращение независимого Азербайджана в состав его «исторической родины – Ирана». Официальный Тегеран обвиняет власти Баку в том, что они закрывают глаза на деятельность на территории Азербайджана так называемого Комитета национально-освободительного движения Иранского Азербайджана, выступающего за присоединение Южного Азербайджана к Республике Азербайджан.

Оценивая эти реалии, важно учесть, что для многонационального Ирана характерна довольно тесная интеграция подавляющего большинства этносов – арабов, белуджей, туркмен, курдов и других национальных меньшинств. Не являются исключением и этнические азербайджанцы Ирана. Можно согласиться с теми исследователями, по мнению которых представители интеллигенции иранских азербайджанцев в большинстве своем выступают не с сепаратистскими требованиями, а за сохранение и дальнейшее развитие своего языка и культуры, права на использование родного языка в системе образования, средствах массовой информации, в политической жизни. Они считают себя не этническим меньшинством, а одним из государствообразующих народов Ирана.

Можно говорить даже об иранизации этнических азербайджанцев и в то же время о лингвистической ассимиляции с азербайджанцами ираноязычных анклавов в регионах с преобладанием азербайджанцев. Следует отметить, что они достаточно зримо представлены в органах государственной власти всех ветвей и уровней. Азербайджан, со своей

стороны, обвиняет Иран в поддержке оппозиционных по отношению к официальным властям Баку сил. Важно учесть и факт симпатий талышей и Талышшистана на юге Республики Азербайджан к Ирану.

В свою очередь Баку не может устраивать фактически нейтральное отношение Тегерана к карабахскому конфликту. Этим можно объяснить, например, серьезное ухудшение отношений между Ираном и Азербайджаном в 2012 г. в результате целой серии шпионских скандалов. Речь шла о том, что спецслужбы Азербайджанской Республики арестовали несколько групп, обвиненных в подготовке террористических актов и шпионской деятельности в пользу ИРИ. Власти Азербайджана заявили о деятельности на территории страны сети из 22-х иранских агентов, будто бы подготовленных Корпусом стражей Исламской революции.

При этом важно учитывать, что Иран, будучи крупнейшим торгово-экономическим партнером Азербайджана, заинтересован в его стабильности. Поэтому естественно, что на официальном уровне обе страны предпринимают усилия по расширению взаимовыгодного сотрудничества в важнейших сферах общественной жизни. Эти усилия увенчались, в частности, открытием в 2004 г. генконсульства Азербайджана в Тебризе на севере Ирана, а иранская сторона с 1 февраля 2010 г. в одностороннем порядке ввела безвизовый режим для граждан Азербайджана.

Прагматизм внешнеполитической стратегии Ирана особенно отчетливо проявляется в отношениях с Арменией. Одним из важнейших вопросов ирано-армянских отношений является карабахский конфликт, который поставил иранскую дипломатию в весьма щекотливое положение. По логике вещей, шиитский Иран, где чуть ли не 20 процентов общей численности населения составляют этнические азербайджанцы, должен был бы безоговорочно поддержать Азербайджанскую Республику против христианской Армении. К тому же, после захвата армянскими войсками азербайджанского города Кельбаджара, центра одноименного района, в апреле 1993 г. в Иране произошли демонстрации с требованиями поддержки Тегераном Азербайджана и осуждения руководства Армении.

Наиболее заметной из них стала демонстрация протеста студентов тегеранских университетов у посольства Армении с требованиями оказания военной поддержки Азербайджану. Показательно и то, что в июле того же года верховный духовный руководитель Ирана аятолла Хомейни посетил город Тебриз, считающийся столицей иранских азербайджанцев, которым была обещана безоговорочная поддержка со стороны Тегерана.

При всем том руководство ИРИ избрало позицию «равноудаленности» от конфликтующих сторон, приверженности политическому урегулированию карабахской проблемы. Однако в действительности получилось так, что, вопреки декларациям властей о

решимости поддержать ислам во всем мире, Иран фактически отдал предпочтение не шиитскому Азербайджану, а взаимовыгодному сотрудничеству с христианской Арменией, хотя нельзя сказать, что отношения между двумя государствами всегда оставались безоблачными. Одним из знаковых событий, свидетельствующих об улучшении отношений между этими странами, стало восстановление во второй половине 90-х годов прошлого века так называемой «Голубой Мечети», которая была построена в 1765 г. в центре Еревана.

Иран является вторым по значимости после России торговым партнером Армении. В то же время он стал одним из крупных инвесторов в экономику Армении – на него приходится около 26% от общего объема иностранных инвестиций. Ключевым событием в этом направлении стало открытие 26 декабря 1995 г. автомобильного моста между двумя странами через пограничную реку Аракс. Немаловажную роль сыграли соглашения о покупке Арменией иранского газа и строительстве газопровода «Армения–Иран», в реализации которого принимал участие российский «Газпром» и который руководителями двух стран был открыт в марте 2007 года.

В комплексе факторов, способствующих расширению ирано-армянских связей, определенную роль играет геополитическое положение, в котором оказались обе страны. Блокированной Турцией и Азербайджаном Армении жизненно необходим доступ как к территории Ирана (через небольшой участок сухопутной границы с Ираном в районе г. Мегри) в качестве выхода во внешний мир, так и к иранским энергоресурсам. Что касается Ирана, то в той геополитической ситуации, в которой он оказался в результате агрессивной политики Вашингтона и непростых отношений с Турцией и Азербайджаном, Тегеран нуждается в союзниках и дополнительных аргументах, подтверждающих его претензии на вес и влияние в регионе.

В этом контексте существенным шагом стало подписание Тегераном и Ереваном в октябре 2007 г. меморандума о грузоперевозках, в результате чего Армения получила возможность доставлять свои грузы через иранскую территорию до иранских портов Энзели на Каспии и Бендер-Аббас на берегу Персидского залива. В результате Армения получила выход к России и таким государствам Центральной Азии, как Казахстан и Туркмения.

При оценке внешнеполитической стратегии Еревана следует учитывать, что Армении приходится лавировать или искать баланс между расширением связей с Ираном и сохранением дружеских связей с США, от которых она получает существенную экономическую помощь и где проживает довольно влиятельная армянская диаспора. Со своей стороны, руководство США, с учетом фактической блокады Армении, не в силах запретить ей решать свои проблемы, используя в том числе иранский фактор.

Однако Вашингтон не может безучастно смотреть на позитивное развитие взаимоотношений Армении с Ираном.

В свою очередь отношения между Тбилиси и Тегераном имеют свои особенности, обусловленные прежде всего однозначно проамериканской ориентацией внешнеполитического курса грузинского руководства при одновременной открытой враждебности к России. Особенно отчетливо такая ориентация проявляется в призывах некоторых грузинских государственных и политических деятелей к Вашингтону и европейским странам НАТО разместить на своей территории их военные базы.

Одно из ключевых мест в политике Тбилиси в отношении своего южного соседа занимает стремление к диверсификации источников обеспечения национальной экономики энергоресурсами и снижению зависимости в этой сфере от РФ. И в этом, весьма важном для грузинской экономики вопросе, руководство страны вынуждено действовать с оглядкой на Вашингтон, который устами своего посла в Тбилиси Дж.Тэффта в ноябре 2016 г. заявил в интервью грузинскому еженедельнику «Квирис палитра», что для США неприемлемо какое бы то ни было долгосрочное сотрудничество Грузии с Ираном по вопросам энергообеспечения [2].

При президенте М.Саакашвили между ИРИ и Грузией было подписано соглашение о безвизовом режиме, которое вступило в силу 26 января 2011 г. Тогда же было открыто консульство Ирана в Батуми. В результате этих изменений существенно возросла численность граждан Грузии, посещающих Иран, – с 21,3 тыс. чел. в 2010 г. до 60 тыс. в 2011 г. и 89,6 тыс. в 2012 г. Значительно возрос товарооборот между двумя странами – если в 2009 г. он составлял 35 млн 618 тыс. долл., то в 2011 г. достиг 81 млн. 80 тыс. долл., а в 2013 г. – 176 млн 803 тыс. долл. [3].

С ужесточением политики США в отношении Ирана по вопросу о ядерной программе и возможности нанесения Вашингтоном ударов по ядерным объектам Ирана участились слухи об идее размещения элементов ПРО на территории Грузии, что привело к снижению уровня сотрудничества с Ираном, достигнутому при М.Саакашвили. С 1 июля 2013 г. Грузия в одностороннем порядке отменила безвизовый режим для граждан Ирана.

Что касается Турции, то появление на политической карте новых независимых тюрко-язычных государств, а также трех Южно-Кавказских республик стало рассматриваться ее политической и интеллектуальной элитой как возможность расширить границы распространения и продвижения своих национальных интересов. С распадом СССР получили все возрастающую популярность идеи пантюркизма, которые как бы пережили второе рождение. Их притягательность объяснялась установками на объединение тюрко-язычных народов так называемого Турана, простирающегося от западного Китая до восточного побережья

Средиземного моря. Одна из целей такого объединения виделась в том, чтобы создать своего рода противовес России и Ирану в Кавказско-Каспийском регионе и Центральной Азии.

Для реализации этой цели при министерстве иностранных дел Турции было создано специальное управление, перед которым была поставлена задача всемерного расширения и укрепления торгово-экономических, политических, культурных, гуманитарных, конфессиональных и иных связей с бывшими тюрко-язычными республиками СССР, и не только с ними. Эта политика проводилась как на официальном государственном уровне, так и по линии разного рода общественных организаций, объединений и союзов. Определенная роль отводилась так называемым «курултаям дружбы, братства и сотрудничества тюркских государств и сообществ», которые с 1993 г. проводятся в Турции и ряде других тюрко-язычных государств. Показательно, что в первом курултае в Анталье принимали участие тогдашние президент Турции Т.Озал и премьер-министр С.Демирель, руководители целого ряда других тюркских государств, а также представители разного рода тюркских общественных организаций. По решению курултая была создана общетюркская общественная организация – Высший совет тюркских республик. На шестом курултае, состоявшемся в турецком городе Бурсе в 1998 г., С.Демирель был провозглашен «отцом тюркского мира» [4, с. 408, 409].

Представляется естественным тот факт, что предпринимались усилия разыграть «мусульманскую карту» и расширить культурное и идеологическое влияние пантюркизма на постсоветском пространстве. С учетом этих тенденций президент Турции Т.Озал говорил о необходимости создания «тюрко-язычной империи от Адриатического моря до Великой китайской стены» [5].

Фактором, благоприятствующим установлению и расширению связей Турции с Южно-Кавказскими государствами и национальными республиками Северного Кавказа, стали достаточно многочисленные диаспоры кавказских народов, обосновавшихся здесь в ходе и после Кавказской войны XIX века. Следует отметить, что в стране, как и целом ряде ближневосточных государств, действуют разного рода общественные организации представителей кавказских народов. Среди них можно назвать, например, «Шамиль», «Северный Кавказ» и другие, членами которых являются действующие политики страны, бизнесмены, депутаты парламента, журналисты и даже офицеры турецкой армии [6].

В свою очередь новые постсоветские государства ожидали экономического чуда путем насаждения у себя так называемой турецкой модели. Турция предоставила Южно-Кавказским и Центрально-Азиатским

государствам кредиты и займы в миллиарды долларов, однако там довольно быстро осознали несостоятельность надежд, которые возлагались на ожидаемый приток инвестиций из этой страны, и убедились в том, что ее экономические возможности гораздо скромнее политических амбиций Анкары.

Заявления турецкого руководства о формировании своего рода единого наднационального тюркского экономического пространства, тюркского общего рынка, единой региональной энергосистемы, системы транспортировки энергоресурсов и регионального банка развития оказались лишь благими пожеланиями. Президент Казахстана Н.Назарбаев констатировал, что «создание отдельного сообщества по этническому и языковому признаку не сближает, а лишь разъединяет народы» [7].

Как уже отмечалось, на Южном Кавказе Турция с самого начала отдавала приоритет Азербайджану. Со своей стороны, Азербайджан откровенно ориентируется на Турцию и, более того, на первых порах создавалось впечатление, что психологически Баку готов стать младшим партнером Анкары на Южном Кавказе. Руководство, политическая и интеллектуальная элита республики возлагали большие надежды на помощь турецких, как считалось, братьев, и в обстановке эйфории был выдвинут лозунг «один народ – два государства», имея в виду под одним народом единение турок и азербайджанцев. В спешке кириллица была заменена латиницей турецкого образца. Но в конечном счете в каких-то аспектах эйфория осталась эйфорией, поскольку жизненные реалии оказались намного сложнее благих пожеланий.

С возвращением к власти Г.Алиева руководство Азербайджана произвело определенную корректировку преимущественно про-турецкого внешнеполитического курса страны. Более того, Азербайджан вступил в СНГ. Однако руководство республики продолжало рассматривать Турцию в качестве приоритетного союзника. Анкара в 2007 г. в одностороннем порядке отменила визовый режим для граждан Азербайджана. Примечателен тот факт, что Баку отменил визовый режим с Турцией только 12 лет спустя, в сентябре 2019 г.

Из года в год расширялось сотрудничество двух стран в военной сфере, которое постепенно принимало форму военного союза с явно выраженной антиармянской направленностью. Одновременно официальный Баку выразил готовность перехода азербайджанской армии на стандарты Североатлантического альянса. Турецкое оружие становится одной из важных статей азербайджанского импорта. Вместе с тем необходимо признать, что Турция не смогла сыграть сколько-нибудь значимой роли в поддержке Азербайджана в карабахском конфликте. Разумеется, интересы Турции не ограничиваются одним Азербайджаном, а значимость

Азербайджана для Анкары в свою очередь определяется его энергетическими ресурсами. Однако для их транспортировки в Турцию и на мировые рынки ключевое значение имеет Грузия.

Поэтому естественно, что с начала 90-х годов прошлого века, несмотря на различия политического характера в подходах к решению абхазской проблемы, грузино-турецкие отношения развиваются более или менее интенсивно. Постепенно сформировалась своего рода связка Турции, Грузии и Азербайджана, которая особенно отчетливо проявляется в транспортно-энергетической сфере. В июне 2012 г. между тремя государствами была подписана декларация о едином видении регионального сотрудничества. Важными вехами в расширении и укреплении грузино-турецких связей стало строительство и введение в действие нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан, официальное открытие которого состоялось 13 июля 2006 г., а также Южно-Кавказского газопровода Баку–Тбилиси–Эрзурум, вступившего в действие в июне 2018 г. В октябре 2017 г. торжественно открыта железная дорога Баку–Тбилиси–Ахалкалаки–Карс, строительство которой началась в 1998 г.

Особо важное значение имеет Трансанатолийский трубопровод (TANAP), который начал работу на полную мощность в ноябре 2019 г. Он задуман, как часть более масштабного проекта «Южный газовый коридор» протяженностью 3,5 тыс км, по которому газ от месторождения Шах-Дениз на Каспии через территории Азербайджана, Грузии, Турции, далее – Греции и Албании дойдет до юга Италии.

Стоимость проекта оценивается примерно в 40 млрд долл. Задуман он был еще в 2006 г. и рассматривался в качестве конкурента российскому «Газпрому». Однако, как не без оснований отмечают эксперты, он вряд ли может стать реальным конкурентом, который способен оттеснить «Газпром». Дело в том, что, если исходить из реальных возможностей Азербайджана, Баку едва ли в состоянии предложить Европе те объемы газа (на настоящий момент это 10 млрд кубометров), которые могут сколько-нибудь серьезно отразиться на конкурентоспособности российского гиганта. Что касается возможности присоединения Туркменистана к коридору на восточном берегу Каспия, то, если судить по печально известному опыту «Набукко», его реализация представляется маловероятной.

Особенно интенсивно развивается сотрудничество между Турцией и Грузией в военной сфере. Интерес Тбилиси к Турции, помимо всего прочего, определяется тем, что эта страна, которая является членом НАТО, может способствовать присоединению Грузии к этой организации.

Доля Турции во внешнеторговом обороте Грузии превышает долю РФ. Особенно быстрыми темпами развиваются торгово-экономические

связи Турции с Аджарией, большинство населения которой составляют мусульмане. Турецкие инвестиции дали возможность отстроить туристическую инфраструктуру Грузии, прежде всего в Аджарии. Во многом ими обеспечивается строительство гостиниц, дорог и других объектов жизнеобеспечения и туристической сферы в Батуми. В этом городе рестораны, гостиницы, пансионаты, даже аэропорт принадлежат гражданам Турции. Постоянно возрастающее число переселенцев-турок меняет демографическую картину Аджарии, да и Южной Грузии в целом [8].

На этом фоне нельзя не отметить тот факт, что возрастающая экономическая активность Турции в Аджарии оценивается многими наблюдателями как стремление южного соседа установить экономический и политический контроль над регионом. Здесь представляется уместным напомнить, что Аджария в течение трех веков входила в состав Османской империи. В определенных кругах турецкой политической и интеллектуальной элиты не прочь рассматривать ее как историческую часть территории Турции.

Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в некоторых учебных пособиях, которые используются в турецкой системе образования, Аджария числится составной частью территории Турции. Как утверждал в начале второго десятилетия нынешнего века депутат грузинского парламента Д.Багатурия, только за два года власти Грузии предоставили гражданство страны 25 тыс. турок, обосновавшихся в Аджарии и сохранивших турецкое гражданство [9]. Серьезную озабоченность у грузин вызывает также турецкая культурно-религиозная экспансия.

Разумеется, в рассматриваемом контексте особая проблема – это взаимоотношения между Турцией и Арменией. Турция стремится вовлечь Грузию в свои, осуществляемые совместно с Азербайджаном, усилия по изоляции Армении. Факторы, лежащие в основе специфического характера взаимоотношений двух стран, коренящиеся в их историческом прошлом, общеизвестны. Представляется уместным напомнить, что Баку последовательно блокирует любые шаги по нормализации отношений между Турцией и Арменией, тесно связывая этот вопрос с урегулированием нагорно-карабахского конфликта.

В 90-е годы прошлого века со стороны руководства Армении предпринимались попытки установления диалога с Турцией. В 1992 г. президент Л.Тер-Петросян встречался с премьер-министром Турции С.Демирелем. Однако ухудшение военной ситуации на карабахском фронте в 1993 г. и поражение Азербайджана привели к дальнейшему обострению отношений между Турцией и Арменией.

Формальным поводом для активизации диалога между двумя государствами стало то, что команды Армении и Турции попали в одну

группу Чемпионата мира по футболу 2010 г. Тогдашний президент Армении С.Саргсян пригласил президента Турции А.Гюля на матч футбольных команд двух стран, который состоялся 6 сентября 2008 г. Хотя между Ереваном и Анкарой в 2009 г. были подписаны протоколы о нормализации отношений, так называемая «футбольная дипломатия» не имела успеха.

* * *

Завершая анализ, можно сделать вывод, что взаимоотношения между государствами Южного Кавказа и Ближнего Востока, в силу целого комплекса факторов, с самого начала приобрели весьма сложный и противоречивый характер. Хотя руководители государств обоих регионов стремятся найти те или иные формы *modus vivendi*, было бы преждевременно считать, что им удалось приблизиться к приемлемому для всех сторон решению тех этнонациональных, конфессиональных, территориальных и иных проблем, которые лежат в основе конфликтогенности обоих регионов и служат главным препятствием на пути достижения мира и согласия между их народами и государствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаджиев К.С. 2010. *Кавказский узел в геополитических приоритетах России*. М.: Логос. 532 с.
2. Посол США: Длительные энергетические связи Грузии с Ираном недопустимы. – *Civil.ge*, 27.11.2006. URL: <https://civil.ge/ru/archives/168460> (дата обращения 15.03.2020).
3. Иванишвили об отношениях с Ираном. – *Civil.ge*, 03.07.2013. URL: <https://civil.ge/ru/archives/180760> (дата обращения 15.03.2020).
4. *Турция между Европой и Азией: Итоги европеизации на исходе XX в.* / Отв. ред. Н.Г.Киреев. 2001. М.: Крафт+: ИВ РАН. 535 с.
5. *Milliyet*. 03.05.1992.
6. Калюжный В. Россия–Турция: геополитическая конфронтация или стратегическое сближение. – *Ориентир*, 2014, №12. URL: <http://orientir.milportal.ru/rossiya-turtsiya-geopoliticheskaya-konfrontatsiya-ili-strategicheskoe-sblizhenie/> (дата обращения 16.03.2020).
7. Известия. 03.11.1992.
8. Аверьянов А.В. *Турция возвращает Аджарию под свой контроль*. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2012/09/17/turcija-vozvrashaet-adzhariju-pod-svoj-kontrol-16595.html> (дата обращения 23.03.2020).

9. Александров Д. Новый гамбит: В Грузии всерьез опасаются территориального спора с Турцией по «косовскому сценарию». – *Взгляд: Деловая газета*, 23.06.2012. URL: <http://vz.ru/politics/2012/6/23/585027.html> (дата обращения 25.03.2020).